

УДК 7.01
Б-72

Бобылева Наталья Викторовна

аспирант Южно-Российского государственного технического университета
(Новочеркасский политехнический институт)
тел.: (86352) 55-103

Социально-антропологические предпосылки генезиса музыки

Аннотация:

В статье рассматривается проблема генезиса музыки как вида искусства. На основе данных этнографии, лингвистики, фольклорных материалов и психологии показано значение специфического для человека ощущения музыкальных звуков, интонации и ритмики в процессе возникновения языка и религиозных представлений. Ритмико-интонационное оформление эмоционально насыщенной нарождающейся речи – это в то же время рождение музыки, которая по определению есть эмоционально насыщенное, подчиненное ритму расположение различных по силе, высоте и длительности звуков.

Ключевые слова: генезис музыки, генезис речи, разделение труда, необходимость заполнения информационной лакуны, эмпатия и суггестия, образ отсутствующей ситуации, тема и рема ситуации, ритм, интонации, речепение, единство музыки и речи, религиозные представления и обрядовая музыка.

«В начале было слово...» [1]. Греческое понятие *логос* имеет много значений, но в любом из них евангелист Иоанн прав. И уж во всяком случае, в антропологическом смысле. Ибо то, что отличало *Homo sapiens sapiens* от других гоминид, то, что дало ему преимущество перед ними, это, конечно, речь и связанное с ней развитие сознания. Но речи, как это убедительно показал еще Б.Ф. Поршнев, необходимо предшествовали эмпатия и суггестия [2, с. 416–442], осуществлявшиеся на уровне подсознания, а значит, в процессе антропогенеза должны были действовать механизмы, способные перевести подсознательные процессы на уровень становящегося сознания.

Трудовая гипотеза происхождения языка в этом отношении пользуется наибольшей популярностью, хотя, очевидно, противоречит фактам. Суть ее состоит в том, что язык как средство общения, средство передачи информации появляется в процессе усложнения производственной деятельности, требующей передачи опыта и распределения трудовых функций, для управления самим процессом производства и организации/самоорганизации коллективной трудовой деятельности [3, с. 195–197].

Однако коллективная трудовая деятельность (в виде совместного добывания пищи), обучение трудовым операциям (при передаче опыта по изготовлению орудий труда), управление коллективом (любой коллектив, стадо, стая обязательно управляемы) существовали уже у архантропов, хотя, безусловно, речь как таковая отсутствовала. Для ее использования в общении необходимо наличие v-образного хрящика, к которому крепятся мышцы языка и который морфологически связан с подбородочным выступом. Данный хрящик не сохраняется среди костных останков, но подбородочный выступ или его отсутствие неоспоримо свидетельствует о том, что этот хрящик был или его не было. Именно его наличие позволяет варьировать звуки движением языка. Но подбородочный выступ наличествует только у человека современного вида. Даже если допустить, что у *Homo sapiens sapiens* и, например, *Homo sapiens neandertalensis* было идентичное строение гортани, производимые ими звуки не могли быть тождественными. В первом случае мы имеем дело с членораздельной речью. Во втором – с гортанными звуками, которые не могли отличаться большим разнообразием, но могли различаться по высоте и

интонационной насыщенности [4, с. 164–182, 403–416]. Интересно, что даже в эпоху неолита, как показывают этнографические исследования, при обучении трудовым операциям от обучаемых и обучающих требовалось воздержание от разговорной речи и интуитивное схватывание сущности производимых действий.

С этих же позиций может быть подвергнута критике и идея необходимости использования языка для управления и распределения функций при организации трудовой деятельности. Первое не требует речи, как об этом свидетельствует сама этимология слова «руководить». Второе определено наличествующими традициями. Так, скажем, при распределении функций для загонной охоты роль и действия родов обусловлены их местом в системе старшинства и устоявшимися обычаями.

Б.Ф. Поршневу, предлагая иную трактовку проблемы, обратил внимание на возникновение в эпоху мустье дифференцированных орудий труда. Помимо давно известного каменного рубила из отщепов пластин, изящно обработанных ретушью, изготавливаются резцы и скребки, дополняемые костяными проколками. Это свидетельствует об общественном разделении труда по половому признаку. Наступившее похолодание вызвало необходимость производства одежды из шкур животных, что потребовало их специфической обработки: разрезания, очистки от мездры, дубления, осуществлявшегося с использованием естественной кислотно-щелочной среды ротовой полости. Этим разделением труда объясняется сточенность зубов в черепах женских скелетов (мустье, а в основном – верхний палеолит и мезолит).

Разделение труда обуславливает возникновение временной информационной лакуны между разведчиками-следопытами и остальной частью общины, охотниками, ушедшими со стойбища, и оставшимися на стоянке. Данный информационный разрыв требует ликвидации для сохранения целостности родового коллектива. Тем самым возникновение речи относится к посттрудоу деятельности (общению), а не к собственно трудовым операциям [5, с. 82–87].

Восполнение информационной лакуны задает «тему» ситуации, которой уже нет, но которая мыслится. Создание образа ситуации посредством пантомимического действия дает ее «рему» [6, р. 48–64]. Но для усиления театрального эффекта необходимо использовать отдельные выкрики, которые становятся знаками и развивают способность мыслить отсутствующей ситуацией. Такая способность дает возможность по совокупности условных символов ситуации (поз, жестов, мимики, эмоциональных выкриков) представить ее в достаточно полном объеме. Таким образом, язык как знаковая система помимо общепризнанных функций (коммуникации, регуляции и программирования) выполняет еще и функцию синхронизации ментальных процессов индивидов вследствие упорядочивания и структурирования представляемых образов [7, с. 180–182]. Тем самым оказывается, что специфические знаки первоначально в виде односложных выкриков закрепляются за определенными действиями. Но это же означает, что речь и искусство в данном аспекте – в «театральном действе» – феномены однопорядковые, и возникновение их одновременно.

Логика размышлений приводит Б.Ф. Поршневу к выводу, противоречившему принятым тогда взглядам, когда основой речи полагали либо междометия, либо качественные прилагательные, объединяющие разнородные по существу, но общие по внешним признакам явления. Первые слова, по выводу Б.Ф. Поршневу, обозначали действия и были глаголами.

Это прозорливое суждение оказалось основательно аргументированным в 80-е гг., благодаря исследованиям советских ученых, опиравшихся на российскую школу лингвистики и достижения в языкознании гумбольтовской европейской традиции. Анализ совокупности существующих живых и мертвых языков (более 2 000) привел к обнаружению небольшого числа общих для них корнеслов, имеющих глагольное значение [8, с. 24–34].

Следует, однако, указать на общий недостаток всех концепций, в том числе и только что рассмотренной, происхождения речи, а именно отсутствие внимания к

ритмико-интонационному аспекту зарождения языка. И ритмика, и интонации изначально должны были нести значительный объем информации как об изображаемой ситуации, так и о ее эмоциональной составляющей. В особенности же необходимо учесть то обстоятельство, что дифференциация согласных звуков – чрезвычайно длительный процесс. В отличие от них гласные звуки легче поддаются четкости артикуляции.

Современные языки, конечно, основную часть информации несут в согласных звуках, которые мало податливы в отношении длительности и высоты. Это обстоятельство дает возможность не слишком увлекаться четкой артикуляцией гласных звуков. Но сохранившиеся древние языки – те, о звучании которых сохранилось знание (например, древнегреческий, латинский, санскрит) – в значительно большей степени требовали различения гласных, по крайней мере, по длительности звучания, что порождало многочисленные дифтонги, трифтонги и даже четырехзвучия (реконструируемый праиндоевропейский язык), придавая речи особую музыкальность. Недифференцированность звуков в праязыке (и гласных, и согласных) делала необходимым их информационное насыщение в зависимости от длительности звучания, заставляло обязательно между двумя согласными звуками вставлять гласный, каким бы кратким или долгим он бы ни был, а это придавало языку характер речепения. Кстати, логопедическое лечение косноязычия, в том числе заикания, и сегодня осуществляется пропеванием звуков, когда пациенту рекомендуется не говорить, а петь слова и фразы и начинать их по возможности с гласного звука.

Единство речи и музыки подчеркивается этимологическим родством – в немецком 'singen' и 'sagen' (петь, говорить), в славянских 'баять' и 'петь'. Однако также безусловно родство славянского 'петь' и латинского 'poeta' (поэт) с корнесловом '-*bhau-', а 'singen' и 'sagen' с корнесловом '-*kes-'. И если во втором случае этимология дает восхождение к смыслу «нарезать звуки», то в первом случае она приводит к значению «отбивать ритм, отбивать такт». Используя методологические приемы Э. Бенвениста [9] и объединив оба смысла, мы получаем общий круг участников, посредством «речепения» звуков как опорных знаков воображающих, представляющих себе отсутствующую ситуацию, заражающихся ею и понимающих смысл изображаемого действия. Одни из акторов звукодействуют в процессе ролевого представления ситуации, другие поддерживают ритм, такт и темп. Тем самым знак генетически характеризует образ действия и является именем действия, производимым и воспринимаемым, во всяком случае, первоначально, посредством совместного речепения участников коммуникативного процесса. А ритмико-интонационная музыкальность и эмоциональность речепения становится механизмом перевода подсознательных образов на уровень осмысленного, на уровень сознания.

В этом отношении интересный пример дает приводимый ниже отрывок из финского эпоса:

«...Старый славный Вайнямёйне делал пением лодку,
постукивая по скале...»

Герой «Калевалы» выбивает на скале изображение лодки, при этом напевая. Практически дословный перевод иллюстрирует смещение собственно действия – создания пиктограммы – к деепричастному (причастному действию) грамматическому обороту, в то время как сопровождающее действие озвучивание его программы становится самим действием с точки зрения грамматики. Это крайне характерно в двух смыслах. Во-первых, для удержания в сознании цели действия оказывается необходимым ее непрерывное озвучивание, которое и воспринимается в качестве действия. Во-вторых, это озвучивание представляет собой пение – мелодическое движение голоса, не просто говорение, но пение, то есть движение голоса в соответствии с законами мелоса (а значит, и гармонии). Подсознательно ощущаемые ритмико-интонационные свойства музыки, музыкальное чувство, отличающее звуки по высоте, длительности и ритмико-интонационной последовательности, оказываются предшествующими сознанию и действию, лежащими в основе самого этого действия как его озвучиваемая программа, предпосылка становления сознания и генезиса речи.

Не слово само по себе, и не последовательность слов имеют смысл. Когда мы этимологически докапываемся до лежащих в основе первоначальных смыслов, то понимаем всю абсурдность связи между понимаемым нами смыслом высказывания и тавтологией корнеслов, используемых для его конструирования. Только «тема» ситуации и музыка речи – даже если это речь внутренняя, неозвучиваемая – делают возможным взаимопонимание между людьми. Последнее особенно очевидно на примере магических обрядов, где музыка выступает не в качестве независимого феномена или простого сопровождения, но как сущностный пласт и содержание самих ритуалов. Она призвана не столько усилить колдовское действие, сколько непосредственно представляет само это действие. Нет такого магического обряда, который не содержал бы «словесную формулу», воспроизводимую с ритмико-интонационными особенностями, или не использовал бы какой-либо музыкальный инструмент, начиная от колыбельной, убаюкивающей младенца, и заканчивая шаманистским обрядом вызова дождя.

Причем, очевидно, что многие действия, осуществляемые сегодня без всякой мысли о связи их с магическими представлениями, своими психологическими корнями на самом деле по существу уходят в магию, о чем свидетельствует их словесное сопровождение, которое с точки зрения рационального понимания представляет собой полную бессмыслицу. Подобно магическим заговорам, в большей мере рассчитанным на ритмико-интонационное подсознательное воздействие на психику человека, колыбельные, например, песнопения, сохранившиеся фольклорные фрагменты обрядовых песен просто лишены смысла в сочетании используемых слов. И дело не в том, что смысл их был утрачен вследствие исторического изменения словарного состава языка. Словесный смысл не присутствует в них изначально, так как создаваемый образ принципиально иррационален. В качестве примеров:

1. «Ой, люли, ой, люли, / Прилетели гули. / Стали гули ворковать / Нашу лялечку качать...»;
2. «Летят гуськи, дубовы носки, / Кричат гуськи шепеты-лепеты: / Гости и гостейки, из кути, по лавке, вдоль по скамейке, / Приказали нам – кланяться вам!» [10, с. 564];
3. «Да у утушки, да у серенькой / Да короткие ножки. / Ой, лёпи, али-лёлёпи, / Да короткие ножки. / Ой, у Марьюшки, у Ивановны / Да молодые гости» [11, с. 93].

Перед нами набор звуков, ритмикой и интонацией в колыбельной песне призванных вызвать доминирование длинных волн мозговой активности, возникающих при погружении в сон и отвечающих за состояние сна и покоя при соматической релаксации. То же относится и к другим подобным примерам, где значение имеет чередование гласных, создающих ритмический рисунок слогов, как в древнегреческой поэзии чередование долгих и кратких гласных звуков порождало своеобразную рифмо-ритмическую структуру. Здесь высвечивает себя различие речи и пения. В речи все более информативными становятся согласные звуки, в пении значимым остается длительность гласных в последовательности с краткими и носовыми гласными.

Магия общепризнанна одной из первобытных форм религиозных верований. Археологические свидетельства возводят ее генезис к самому началу верхнего палеолита и дальше к эпохе мустье [12, с. 58]. Однако споры среди религиоведов – что было раньше: магия [13, 14], тотемизм, фетишизм или анимизм – заставляют немного задержаться на этом вопросе. Тотемизм при всей его религиозной оболочке следует считать не столько формой религиозных верований, сколько первобытным, единственно доступным на тот момент времени и естественным способом счета родства между родами, облаченным в мифологические предания. Поскольку тотемистические обряды совершаются с использованием магических приемов и с обращением к магическим представлениям, вряд ли тотемизм мог предшествовать магии, в особенности если учесть самостоятельное существование последней. То есть тотемизм не существует без магии, но магия существует без тотемистических представлений, что ставит их происхождение позднее собственно магии. То же самое

можно сказать и о фетишизме: сила действия фетиша освящается магическими верованиями, но далеко не во всех магических обрядах используются фетиши, даже в качестве заместителей реальных объектов и явлений. Правда, при расширенном толковании фетишизма, включив в него не только веру в сознательно-личностную силу некоторых вещей, но и всех предметов и явлений, в частности явлений природы, мы приходим к анимистическим представлениям. К тому же, можно сказать и так: фетишизм есть вера в то, что сознательно-личностные силы вещей (а в указанном расширенном понимании – и явлений) воздействуют на человека и окружающую его действительность. В то время как магия есть вера в то, что человек посредством осуществления определенных ритуалов и произнесения заклинаний может воздействовать на предметы, их свойства и явления. Тем самым фетишизм и магия находятся в естественном родстве друг с другом, но их генезис восходит к анимистическим представлениям [15, с. 12–13].

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [16]. Возникновение речи и появление религиозных верований – однопорядковые события. Момент, когда словами, обозначающими действия, начинают обозначать предметы и их свойства, есть момент возникновения религиозных представлений. Во-первых, потому что отсутствие между знаком и обозначаемым непосредственного родства, наделяние знака смыслом только в процессе общения между индивидами уже требует акта веры – веры в значение знака. Во-вторых, отглагольность существительных, прилагательных и причастий переносит на сами предметы и их качества идею действия, что наделяет их значением самостоятельной силы, активной независимо от воли и разума человека. Происходит осознание этих действующих сил, наделяемых человечески личностными чертами. Тем самым анимизм следует считать первоформой верований. Но прежде слов и их грамматической связи возникает музыка звука, мелос голоса и гармония голосов.

Конечно, классическая оркестровая музыка крайне далека от воспроизведения или подражания человеческой речи, ее аффективность в значительной мере абстрактна, рождая в каждом слушающем собственные переживания. Но это результат длительного процесса отделения музыки и речи. В отличие от того, что мы сегодня называем музыкой в строгом смысле этого слова, наряду с нею, продолжает существовать музыка речи, та аффективная ее сторона, которая позволяет нам понимать друг друга в общении. В истинном общении сердца с сердцем, а не абсурдными по бессмыслице словесными формулами.

Ссылки:

1. *Ев. Иоан. 1.*
2. *Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.*
3. *Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. М., 1988.*
4. *Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.*
5. *Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.*
6. *Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Camb., Mass., 1965.*
7. *Лукичев П.Н. Методологические предпосылки исследования исторической типологии личности: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д, 1991.*
8. *Маковский М.М. Удивительный мир слов и значений: Иллюзии и парадоксы в лексике и семантике. М., 1989.*
9. *Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / общ. ред. и вступ. ст. Степанова Ю.С. М., 1995.*
10. *Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов Жекулиной В.И., Розова А.Н. М., 1989.*
11. *Фольклор Дона и Кубани: сб. первый / отв. ред. Бусыгин А.И. Ростов н/Д, 1938.*
12. *Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.*
13. *Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989.*
14. *Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М., 1986.*
15. *Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957.*

16. Ев. Иоан. 1.